

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)43
УДК 94(47).035

Несин М.А. Русско-литовское противостояние 1406-1408 гг. (С 1405 до осени 1406 г., до стояния на р. Плавe)

Аннотация: Данная работа посвящена начальному этапу русско-литовского противостояния 1406-1408 гг., автор рассматривает промежуток с 1405 по 1406 г.

Ключевые слова: сражения, Витовт, Василий I, Иван Михайлович Тверской, Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское, Великое княжество Тверское, Кашин, Новгород, Псков, охочие люди, воеводы, Велье, кованная рать, Ливонский орден, комтур Рагнита, стояние на р. Плавe.

Автор: Несин Михаил Александрович. В 2009 г. закончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета по специальности историк. В 2015 г. закончил аспирантуру Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. В настоящее время работает м.н.с. Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Научные интересы: история средневековой России до Московского периода, тактика русских войск, социальная история, историческая топография. petergof-history@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Беспалов Р.А. Литовско-московские отношения 1392-1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I // Средневековая Русь. — М., 2016. — Вып. 12.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1959.

Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. — М., 1960.

Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: конец XIV — начало XVI в. — Л., 1975.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.). — Тверь, 1994.

Конявская Е.Л. «Повесть о Плавe» и летописные статьи тверского сборника за первое десятилетие XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 2 (28).

Темушев В.Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. // Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. — Минск, 2009. — Вып. № 2.

Темушев В.Н. Проблема реконструкции московско-литовской границы в XV в. // Працы гістарычнага факультэта БДУ. — Мінск, 2010. — Вып. № 5.

Штыков Н.В. К истории отношений Твери и Кашина в XIII-XV вв. // Труды Санкт-Петербургского государственного университета. — 2010. — Вып. № 1.

Беспалов Р.А. К вопросу о времени запустения южной части Новосильско-Одоевского княжества // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г. — Тула, 2013.

Liv—Esth—und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. — Reval, 1859.

Несин М.А. Борьба за Смоленск в XV веке [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. — С. 1-34. <http://www.milhist.info/2015/02/20/nesin_3> (20.02.2015).

Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв. — Л., 1976.

Бобров А.Г. Из истории летописания первой половины XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 1993. — Т. 46.

Hansisches Urkundenbuch. — Leipzig, 1899. — Bd V.

Казакова Н.А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке // Исторические записки. — М., 1949. — Т. 28.

Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. — М., 2009.

Насонов А.Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 г. — М., 1958.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505. — СПб., 1889-1891. — Т. 1-2.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2017/01/12/nesin_10

Ссылка для печатных изданий:

Несин М.А. Русско-литовское противостояние 1406-1408 гг. (С 1405 до осени 1406 г., до стояния на р. Плаве) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Т. IX. — С. 1-25. <http://www.milhist.info/2017/01/12/nesin_10> (12.01.2017).

Nesin M. The Russo-Lithuanian opposition during 1406-1408.

Summary: in the following article the author researchers the first stage of the opposition between the Muscovy and Grand Duchy of Lithuania, namely from 1405 to the Battle on the Plava, which took place in the fall of 1406.

Keywords: battles, Vytautas, the Grand Duke of Lithuania, Basil I of Muscovy, Novgorod, Pskov, Livonian Order, Comtur Ragnit, the Battle on the Plava River.

Author: Mikhail Nesin is a graduate of the St.-Petersburg State University (class 2009); since 2015 he holds doctoral degree from the Novgorod State University. He is currently working at the Museum of Field Artillery, Army Engineers and Signal Troops' History. His major interest is in the medieval military history of the Russian state petergof-history@yandex.ru

References:

Bespalov R.A. Litovsko-moskovskie otnosheniya 1392-1408 godov v svyazi so smolenskoj, chernigovskoj i rjazanskoj politikoj Vitovta i Vasilija I [The Lithuanian-Muscovite relations 1392-1408 years in connection with the Smolensk, Chernigov and Ryazan policy Vytautas and Basil I] // *Crednevekovaja Rus'*. — M., 2016. — Vyp. 12.

Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia from ancient times]. — M., 1959.

Cherepnin L.V. Obrazovanie russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV-XV vv. [The formation of the Russian centralized state in XIV-XV centuries.] — M., 1960.

Kazakova N.A. Russko-livonskie i russko-ganzejskie otnosheniya: konec XIV — nachalo XVI v. [The Russian-Livonian and Russian-Hanseatic relations: end of XIV — beginning of XVI century] — L., 1975.

Kljug Je. Knjazhestvo Tverskoe (1247-1485 gg.) [The Principality of Tver (1247-1485)]. — Tver', 1994.

Konjavskaja E.L. «Povest' o Plave» i letopisnye stat'i tverskogo sbornika za pervoe desjatiletie XV v. ["Povest' o Plave " and the chronicle article of the Tver collection during the first decade of the XVth century] // *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki*. — 2007. — № 2 (28).

Temushev V.N. Pogranichnye goroda Velikogo knjazhestva Litovskogo: Dmitrovec v XV v. [The border town of the Grand Duchy of Lithuania: Dmitrovic in the XV century] // *Studia historica Europae Orientalis = Issledovanija po istorii Vostochnoj Evropy*. — Minsk, 2009. — Vyp. № 2.

Temushev V.N. Problema rekonstrukcii moskovsko-litovskoj granicy v XV v. [The problem of reconstruction of Moscow-the Lithuanian border in the XV century] // *Pracy gistarychnaga fakul'tjeta BDU*. — Minsk, 2010. — Vyp. № 5.

Shtykov N.V. K istorii otnoshenij Tveri i Kashina v XIII-XV vv. [The history of relations between Tver and Kashin in the XIII-XV centuries] // *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2010. — Vyp. № 1.

Bespalov R.A. K voprosu o vremeni zapustenija juzhnoj chasti Novosil'sko-Odoevskogo knjazhestva [To the question about the time of the desolation of the southern part of Novosil'-Odoevskogo Principality] // *Gorod Srednevekov'ja i rannego Novogo vremeni: arheologija, istorija. Materialy IV Vserossijskogo seminaru*. Nojabr' 2011 g. — Tula, 2013.

Liv—Esth—und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. — Reval, 1859.

Nesin M.A. The struggle for Smolensk in the XV century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — Special edition IV. Smolensk Wars XV-XVII. — Vol. I. — P. 1-34. <http://www.milhist.info/2015/02/20/nesin_3> (20.02.2015).

Lur'e Ja.S. Obshherusskie letopisi XIV-XV vv. [All-Russian Chronicles of the XIV-XV centuries] — L., 1976.

Bobrov A.G. Iz istorii letopisanija pervoj poloviny XV v. [From history Chronicles the first half of the XV century] // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. — SPb., 1993. — T. 46.

Hansisches Urkundenbuch. — Leipzig, 1899. — Bd V.

Kazakova N.A. Iz istorii snoshenij Novgoroda s Ganzoju v XV veke [From the history of the relations of Novgorod with the Hanseatic League in the XV century] // Istoricheskie zapiski. — M., 1949. — T. 28.

Rybina E.A. Novgorod i Ganza [Novgorod and Ganza]. — M., 2009.

Nasonov A.N. O tverskom letopisnom materiale v rukopisjah XVII v. [Tver chronicle material in manuscripts of the XVII century] // Arheograficheskiy ezhegodnik za 1957 g. — M., 1958.

Jekzemljarskiy A.V. Velikie i udel'nye knjaz'ja Severnoj Rusi v tatarskij period s 1238 po 1505 [Great and specific princes of Northern Russia to the Tatar period from 1238 po 1505]. — SPb., 1889-1891. — T. 1-2.

Internet link:

http://www.milhist.info/2017/01/12/nesin_10

Reference link:

Nesin M. The Russo-Lithuanian opposition during 1406-1408 [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2017. — Vol. IX. — P. 1-25. <http://www.milhist.info/2017/01/12/nesin_10> (12.01.2017).

**РУССКО-ЛИТОВСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ 1406-1408 гг.
(С 1405 ДО ОСЕНИ 1406 г., ДО СТОЯНИЯ НА Р. ПЛАВЕ)¹**

Безусловно, важную роль в отношениях Великого Литовского князя Витовта и Великого Московского князя Василия I сыграло русско-литовское противостояние 1406–1408 гг., имевшее определенное значение для московско-литовского диалога в XV в. Московское княжество показало, что оно является достойным и примерно равнозначным противником Литвы. Согласно Угорскому договору 1408 г. за Литвой оставались княжества в верховьях Оки, Смоленск (а также Вязьма), Московскому княжеству отходили некоторые спорные порубежные земли с городами Козельск, Перемышль, Любутск. Так была установлена граница между Москвой и Литвой. Отныне Литва прекратила присоединять к себе приграничные древнерусские княжества. Москва же надолго отказалась от Смоленска, Вязьмы и Верховских княжеств.

Почти до конца столетия в отношениях между двумя восточноевропейскими государствами сохранялся статус-кво: Угорское перемирие было прочно закреплено в договоре Василия II с Казимиром Ягеллончиком. Лишь после стояния на Угре Иван III приступил к решительной борьбе за обладание "украинными", бывшими древнерусскими землями, расположенными на восточной окраине Великого княжества Литовского. В то же время, этой войне до сих пор не было посвящено специальных работ, она упоминалась в общих трудах по истории Руси и Литвы, а также в статье Е.Л. Конявской, исследующей летописную повесть о стоянии на р. Плавe - один из эпизодов этой кампании².

В данной работе мы комплексно рассмотрим события в период с 1405 по осень 1406 г. Со времени стояния на р. Плавe сведения источников в целом достаточно подробно изучены отечественными исследователями, поэтому в них трудно отыскать новую информацию. Можно разве что заметить, что поход

татар под Брянск относится, скорее всего, к 23 октября 1408, а не 1406 г. По верному замечанию Е.Л. Конявской³, этому известию соответствуют сведения других летописей о том, что татары отошли в сторону, поджидая, пока русские и литовцы не разойдутся. Вместе с тем речь идет именно о татарах Едигея, участвовавших в стоянии на Угре 1408 г. на стороне Василия I⁴.

Между тем, события 1405–1406 гг. изучены в меньшей степени. В сообщениях источников обнаруживается немало любопытных фактов, касающихся внешней политики русских земель, а также походов москвичей в Литву и литовцев в Московское княжество весной 1406 г.

О начале конфликта нам сообщают памятники русского летописания, псковского и новгородского: так называемый Свод митрополита Киприана начала XV в. (далее — СВМК) и Тверская летопись.

Начнем с Тверской летописи, ибо только она высказывает версию о причине конфликта. Прочие источники к ней не обращаются, повествуя лишь об экспансии Витовта в Псковщину.

Согласно Тверской летописи, Витовт, заняв в 1404 г. Смоленск, направил послов к новгородцам, принявшим бывшего смоленского князя Юрия Святославовича: «Живите со мной мирно, яко прежде», но просил выгнать или судить Юрия, «ибо Юрий мне много зла сотвори и враг мне⁵».

Об этом литовском посольстве упоминает и независимое свидетельство ганзейского донесения в Ревель с новгородского Немецкого двора от 13 сентября 1405 г. Согласно ему, в Новгороде в ту пору были послы от Витовта и тверского князя, требовавшие от новгородцев выдачи князя Юрия⁶. Тогда великий князь Тверской Иван Михайлович, как и Василий Московский, поддерживал с Витовтом мир. Но по сравнению с тверским князем Василий Дмитриевич вел себя более гибко: когда в 1404 г. Юрий, прося о помощи против Витовта, приехал к нему из Смоленска, он не собирался из-за Смоленского княжества нарушать договора с Литвой, но в то же время не стал сразу прямо отказывать, продержав Юрия у себя несколько месяцев, пока Витовт не занял Смоленск, после чего Юрий поехал в Новгород⁷. А тверской князь, видимо,

решил открыто поддержать литовского князя и вместе с ним стал требовать выдачи Юрия Смоленского. В 1405 г. он даже лично ездил в Вильно скреплять с Витовтом союзнические отношения⁸. О существе и ходе переговоров летописец не сообщает, но поскольку этот князь и так с Витовтом имел мир с 1400 г., то здесь, надо полагать, специально обсуждалось содействие Твери восточной политике Великого княжества Литовского. Еще отец Ивана Михайловича, Михаил Александрович Тверской заключил союз с Литвой против Москвы. В данном случае ни Витовт, ни Иван Тверской воевать с Москвой не собирались, но не исключено, что Иван Михайлович по отцовскому примеру стремился поддерживать с Литвой прочные союзнические отношения.

Переговоры литовских и тверских послов с новгородцами прошли неудачно. Новгородцы, согласно Тверской летописи, «не послушавша» Витовта. Тогда тот послал ко псковичам и спросил через посла: «...едино ли вы есте за Юриа с Новымгородомъ?» Те ответили утвердительно⁹. Тогда Витовт разгневался на Новгород и вторгся в псковские земли, где занял город Коложе и иные «многие места плени и отыде». Было это, по словам летописца, в феврале, за неделю перед мясопустом. После этого Василий I разорвал с Витовтом мир¹⁰.

Надо сказать, у Витовта и ранее были непростые отношения с Новгородом и Псковом. В 1398 г. он пытался присоединить их к Великому княжеству Литовскому (за несколько месяцев перед этим из Пскова выехал князь литовского происхождения Иван Андреевич, сложив вместе с псковичами крестоцелование, но источники не говорят, что между этими событиями была прямая связь). Однако псковичи и новгородцы не захотели присоединиться и послали Витовту разметные грамоты — документы об объявлении войны. Псковичи даже попросили у великого московского князя Василия I себе на княжение Ивана Всеволодовича Холмского. Тот, впрочем, недолго у них продержался, всего 4 месяца. Зять Витовта, Василий I также разорвал мир со своим тестем.

Но до войны с Литвой дело не дошло. В 1399 г. в битве с татарами на р. Ворскла Витовт потерпел сокрушительное поражение и уже реально был не

способен к захвату и удержанию северо-западных русских земель. Вследствие этого и Василий I и Новгород заключили с ним мир в 1400 г.

Однако в 1406 г. литовский князь едва ли хотел захватить Псков и Новгород. В Новгородчину он так и не двинул войска, хоть и послал разметную грамоту. И даже Псков брать не стал, ограничившись грабежом западной окраины псковской земли и захватом одного из пригородов (Коложе). Даже если считать, что он планировал присоединить к Литве эту часть Псковщины, то о реальном стремлении инкорпорации Пскова и Новгорода в состав княжества говорить не приходится. В этой связи тверская версия нам кажется логичной: не желая реального усиления позиций Юрия недалеко от северо-восточных рубежей Литвы, Витовт таким набегом на дальний край соседней и союзной Новгороду земли хотел припугнуть новгородцев и заставить их уважать себя.

Согласно псковскому летописанию, в начале 1406 г. Витовт «пововоевал Псковскую область». Он вторгся в русские пределы со стороны Коложской волости, пограбил ее, избив часть местного населения и захватив полону, по псковским оценкам, в 11 тысяч человек, «опричь иссеченных», всех возрастов и обоего пола. А затем, 5 февраля 1406 г., в пятницу на фарисеевой неделе на день Св. Агафьи занял сам городок Коложе «на миру» и «крестном целовании» с его жителями¹¹.

Неясно, сдался ли город из любви к Витовту, или же из страха, не желая последовать примеру жителей окрестных деревень. В историографии взятие Коложе в рамках данной русско-литовской кампании упоминается часто, ведь с него, собственно говоря, и начались военные действия. Но историки прошли мимо одного любопытного момента. Взяв этот псковский пригород, Витовт не стал посылать в сам Псков никаких грамот. А в Новгород отослал разметные грамоты об объявлении войны¹². Кроме того, согласно СВМК, в Новгород была послана и крестная грамота горожан, признававших власть Литвы¹³. Витовт явно давал понять новгородцам, что не только псковские, но и новгородские пригороды так же сдадутся ему, отложившись от метрополии. Это подтверждает версию Троицкой летописи, а именно: поводом для литовского нападения на

Псковскую землю послужил конфликт Витовта с новгородцами, и литовское вторжение в соседнюю Псковщину было затеяно, прежде всего, для того чтобы воздействовать на Новгород. Псковичей же если и собирались наказать, то за поддержку новгородцев, которые не хотели выдавать Витовту бывшего смоленского князя Юрия Святославича.

После Витовт стоял 2 дня под псковским пригородом Вороночем, город не взял, но вырезал много окрестных жителей: одних убитых детей хватило на 2 лады, чего, по словам псковского летописания, не бывало, с тех пор как Псков стоит¹⁴. После этого князь вернулся в Литву.

Любопытна в этой связи позиция Новгорода. Город не хотел открыто вмешиваться в конфликт и прилагать большие усилия к его разрешению. Хотя стоит заметить, что, согласно Новгородской IV летописи, он послал псковичам нескольких воевод для войны с Литвой с «воями»¹⁵. Аналогичное сообщение содержится и в Софийской I летописи¹⁶, однако этот рассказ о литовско-русском размирье был, вероятно, записан до составления Новгородско-Софийского свода 1418 г. В сходных по стилистике предыдущей и следующей погодных записях в Новгородской IV летописи вставлены уникальные известия о новгородце Матвее Михайлове¹⁷, сообщения о котором характерны именно для этой летописи¹⁸. Не исключено, что составители Новгородской IV летописи и Новгородско-Софийского свода использовали неофициальную новгородскую летопись, как-то связанную с именем Матвея Михайлова¹⁹, но в Новгородской IV летописи это отразилось полнее.

Очевидно, так произошло не позднее начала 20-х чисел февраля. Но, видимо, этот отряд был относительно небольшим, поскольку обычно в случаях серьезной военной помощи новгородские источники пишут, что «поидоша» новгородцы, а не что послали новгородцы «воев» с тремя воеводами. Поэтому псковичи, у которых для ополчения, разумеется, были и свои воеводы, отослали новгородских воевод с их небольшим отрядом назад, а сами пошли в грабительский поход на пригороды — Ржеву и Великие Луки²⁰, расположенные недалеко от литовских границ.

Надо заметить, что окраинный пригород Новгорода — Великие Луки и вовсе поддерживал с литовцами добрососедские отношения. Согласно псковскому летописанию, когда 28 февраля 1406 г. псковский посадник Юрий Козачкович с ратью охочих людей разорил этот город, в нем обнаружилось коложское знамя — «стяг», явно оставленный там Витовтом при отходе²¹. В числе охочих людей помимо псковичан были жители псковских пригородов — изборяне, островичи, вельяне и ворончане из того самого Воронача, под которым стоял Витовт²². Псковские источники подчеркивают небольшой размер этого отряда²³, что неудивительно, так как малыми силами удобнее всего совершать внезапные набеги. В 1240 г. Александр Невский в небольшой силе неожиданно для шведов смог подойти из Новгорода к шведскому лагерю на Неве и разгромить ничего не подозревавших неприятелей, внезапно напав на их станы и корабли. В 1393 г. сотня татар вдруг подошла под стены Нижнего Новгорода. Город, не готовый к обороне, сдался. В 1398 г. из трехтысячного новгородского войска, отправившегося в поход на Двинскую землю, лишь сравнительно небольшая часть, состоящая в основном из профессионального войска «детей боярских», выполняла главную задачу похода — отвоевание самих новгородских двинских владений и осаду Орлецы. В 1410 г. во Владимир на Клязьме нежданно-негаданно вторгся малочисленный отряд татар. Псковская ватага охочих людей мало напоминала организованное татарское или русское служилое войско, а равно ополчения новгородцев и ладожан. Однако внезапное нападение небольшими силами всегда осуществлять проще, нежели огромной массой, о приближении которой в Луки и Ржеву сведения пришли бы заблаговременно.

Сами псковичи старались, видимо, придать этой акции неофициальный характер. Согласно псковским источникам, с посадником пошло не обычное псковское ополчение, а охочий люд. Это напоминало новгородские походы ушкуйников, которые формально отправлялись без новгородского слова, но во главе с боярином. Тем не менее верховодство в походе самого посадника, которого потом псковичи не наказали, говорит о заинтересованности Пскова.

Новгородцы так это и восприняли: как уже говорилось выше, в той же Новгородской IV летописи, выражавшей новгородскую точку зрения, сообщается об этой псковской акции в ключе псковской внешней политики, а не самовольного набега немногочисленных псковских шильников, лихих людей.

Другое дело, что официально с Новгородом псковичи все-таки не хотели ссориться. Когда в Псков подоспели новгородские делегаты, весь город вместе с князем Юрием Даниловичем как ни в чем не бывало молил их помочь в войне с Литвой, чтобы отомстить Витовту за набег на Псковщину. Но новгородские послы ответили, что весь Новгород и владыка их на такое соглашаться не благословляли, но в войне против «немец» (ливонцев) новгородцы псковичей готовы поддержать. Для этого вместе с послами прибыло «неколико» новгородских воевод и воинов²⁴.

СВМК, с другой стороны, сообщает, что после ухода Витовта псковские и новгородские послы поехали в Москву жаловаться на него великому князю Василию I²⁵. Не те ли это были новгородские делегаты, которые отказали псковичам в помощи против литовцев? Не желая участвовать в литовско-псковских распрях, новгородцы тем не менее не хотели доводить дело до открытого разрыва с Псковом, да и сами были не против заручиться московской поддержкой (на тот случай, если Витовт решит грабить или захватывать собственно новгородские земли). Примечательно, что составитель СВМК сделал акцент не на посылке Витовтом в Новгород разметной грамоты, а на отправке крестоцеловальной грамоты коложан²⁶. Согласно данному источнику, Василий I, выслушав жалобы новгородских и псковских делегатов, отправил своего брата Петра Дмитриевича против псковичей²⁷. В СВМК этот эпизод помещен в конце погодной записи 6913 г., а следующий отмечен мартом 6914 г., следовательно, переговоры псковских и новгородских послов с московским князем оказываются отнесены в данном памятнике к февралю. Однако их, по видимому, следует датировать мартом, то есть это должно было происходить уже после того, как псковичи пограбили новгородские пригороды, а новгородцы отказались помогать Пскову воевать с Литвой. Ведь Василий Дмитриевич

послал своего брата Петра на помощь псковичам против литовцев именно в Новгород. И новгородцам, и псковичам ни к чему было наживать проблемы с Москвой при наличии угрозы новых литовских набегов

Согласно новгородским источникам, князь Петр прибыл в Новгород и пробыл там «полторе недели»²⁸, 10 дней (Новгородская I летопись)²⁹. Но, как видно, своего добиться не смог, ему не удалось убедить новгородцев подняться против Литвы. Новгородцы так на Литву и не пошли, а псковичи, согласно псковским данным, выдвинулись со своим князем Юрием Даниловичем между маем и ноябрем.

Тем не менее СВМК, сообщающий об отправке князя на помощь псковичам, ничего об этом не говорит. И псковские летописи умалчивают о безучастности новгородцев, хотя прежде сетовали на отказ новгородских послов идти на Литву.

Из рассказа Новгородской I летописи видно, что князь уехал из города не позднее 11 апреля 1406 г., Великого дня, Пасхи, когда, согласно данному источнику, сильным паводком разметало мост³⁰.

Видимо, новгородцы изначально не хотели идти в поход, но не исключено, что природные катаклизмы послужили отличным для того предлогом. И Петр Дмитриевич не затаил на них обид, равно как и Василий Дмитриевич.

Сами новгородцы в апреле задержали у себя в городе немецких купцов, запретив им покидать Новгород. Поводом стал арест русских торговцев в Дерпте. Задержанные ганзейские купцы переправили в свою контору бочку с ценностями с просьбой сохранить ее, пока их не выпустят из Новгородской земли³¹. По мнению исследователей, подлинной причиной ареста стало размирье Руси и Ливонии³² (которое, впрочем, в источниках прослеживается позднее, летом - в начале осени). Вместе с тем, стоит заметить, что подобные санкции в отношении проживавших на новгородском Немецком дворе ганзейских купцов применялись не только в военное время. Как тут же отмечает сама Е.А. Рыбина, в мирном 1403 г. новгородцы тоже задержали в городе

ганзейских купцов после жалобы Ивана Кочина на немецкого торговца Иоганна Верде, а те во время псковско-ливонского конфликта 1406–1409 гг. продолжали посещать Новгород³³ (при том, что новгородцы осенью 1406 г. вновь задержали купцов у себя из-за очередного ареста русских торговцев в Прибалтике и в эти годы остро с ними конфликтовали, обвиняя их в недобросовестной торговле). Таким образом, задержание в Новгороде ганзейских купцов в апреле 1406 г., по-видимому, не было связано с русско-ливонским конфликтом.

Так или иначе, Новгород был не против получить гарантию поддержки со стороны Москвы на случай литовского вторжения, но сам по возможности избегал принимать деятельное участие в походах против литовцев.

Примерно к этому времени, к марту - началу апреля 1406 г., относится официальное размирье Василия с Витовтом «за псковские обиды». По Софийской II и Никоновской летописи³⁴, московский князь разорвал мир с ним до неудачного похода на Вязьму и Серпейск, который, в свою очередь, состоялся до перемирия тверского князя со своим братом Василием Кашинским на Троицу, то есть на 30 мая 1406 г.

По версии Никоновской летописи одновременно с Василием Дмитриевичем мир с Литвой «разверже» и тверской князь Иван Михайлович³⁵. Это сообщение, по-видимому, восходит к памятнику тверского летописания. Оно имеется в опубликованном А.Н. Насоновым фрагменте неизданной тверской летописи³⁶. Не исключено, что так оно и было, поскольку Иван Тверской в то время поддерживал с Москвой мирные отношения, и в этих условиях сохранять союз с Литвой ему было никак не выгодно.

По словам Тверской летописи, в том же году Василий Дмитриевич «заратился» с Витовтом из-за вторжения его войск в Псковщину и, собрав большое войско, сам направил его в литовские приграничные земли — одну рать под Вязьму, а другую под Серпейск³⁷. Но, как уже было сказано выше, согласно Никоновской и Софийской II летописи, поход состоялся до 30 мая, Троицына дня, когда Иван Тверской помирился с Василием Кашинским.

Отряды не взяли эти города, причем второй отряд даже не дошел до

Серпейска. Под Вязьмой был убит литовцами московский воевода князь Иван Линятыч, что, вероятно, и послужило причиной отступления рати. Однако любопытно, что, сообщая о гибели воеводы, летопись продолжает в таком ключе: «Литва же, вступиша же глубле в страну Московскую, градъ Воротынескъ взяша, а в Козельце посадиша посадники своеа, и близъ Можайску воеваша»³⁸. Без сомнения, этот поход литовцев был с точки зрения летописца прямо связан с вторжением русских войск.

Видимо, Витовт тоже готовился к противостоянию с Москвой и сразу послал войска на Русь после того, как московские рати вторглись в литовские владения. Убив воеводу под Вязьмой и обратив в отступление одну из двух московских ратей, они, вероятно, пошли на восток к Козельску и Воротынску, вследствие чего, по-видимому, спешно отступила и вторая московская рать, не дошедшая до Серпейска, а затем отряды отправились грабить окрестности Можайска.

Поход литовцев, как мы видим, был успешнее: они заняли два русских города, присоединив их к своим владениям. При этом если Воротынск пришлось «взять», видимо, осадой или штурмом, то Козельск, согласно семантике летописного известия, сдался литовцам сам — те просто посадили туда наместников.

Что касается москвичей, то те, видимо, не нанесли врагам значимого урона, во всяком случае, летописи умалчивают о пленениях и разорениях, без упоминаний которых редко обходятся описания военных походов. Тем не менее это уникальное известие Тверской летописи весьма важно для нас: москвичи выступили с войной против литовцев весной того же 1406 г. еще до пришедшегося на осень стояния на Плаве, и в этот раз в известиях не фигурируют ни тверские, ни татарские союзники москвичей. Видимо, Василий I рассчитывал на свои собственные силы (своими, московскими силами он будет действовать и в 1407 г., когда возьмет литовский город Дмитровец, после чего встанет под Вязьмой, где заключит с Витовтом перемирие до лета следующего 1408 г.). И хотя прежде он старался поддерживать с Витовтом

мирные отношения, после нападения последнего на Псковщину московский князь дал понять, что его терпение не беспредельно, и он в состоянии при необходимости сам ввести войска в землю литовского князя.

С этого времени Витовт изменил приоритеты в своей восточной политике. Если прежде он через разорение псковской земли оказывал давление на Новгород, чтобы тот выдал ему беглого смоленского князя Юрия Святославовича, то теперь он своим основным соперником стал считать московского князя и ничего против новгородцев и Юрия Святославовича больше не предпринимал.

Той же весной перемены ощутили и проживавшие в Литве безземельные люди, не видевшие прока служить Витовту. Согласно СВМК, после неудачных походов москвичей к ним из Литвы прибыл служить Александр Иванович Нелюб из рода князей Гольшанских в сопровождении многих литовцев и поляков

Василий II дал ему в кормление Переславль (ныне Переславль-Залесский в Ярославской области)³⁹. Любопытно, что никаких владений Александра Нелюба на территории Литвы не известно. По-видимому, это был безземельный князь, который не имел в Литве больших перспектив (отсюда, вероятно, и происходит его прозвище «Нелюб». — *М.Н.*). А князь московский дал ему за службу вместе с его людьми целый город с округой.

В этой связи нет основания считать Нелюба врагом Витовта или представителем православной оппозиции (к которой в таком случае пришлось бы отнести и уехавших с ним в Переславль поляков-католиков). Речь, по-видимому, идет о неимущих людях, желавших разжиться на иноземной службе. Но сам факт, что местом службы они выбрали Московское княжество, говорит о том, что они считали его достаточно сильным, не слабее Литвы. И время для отъезда они выбрали неслучайно: начавшееся той весной московско-литовское противостояние означало, что Василий I с охотой возьмет на военную службу новых людей и обеспечит их всем необходимым, что впоследствии и произошло.

Не исключено, что передача Переславля в кормление Нелюбу и его спутникам послужила для Василия I поводом помирить Ивана Тверского с Василием Кашинским, который был в очередной раз лишен Иваном своего княжения и нашел приют в княжестве Московском.

После того как Нелюб получил в кормление Переславль, Василий Дмитриевич и Василий Кашинский выехали оттуда в Тверь. В Твери 30 мая 1406 г., на Троицу, как уже было сказано, между братьями Иваном и Василием Михайловичем установилось перемирие.

Эта дата упоминается не только в Софийской II и Никоновской летописи, но и в опубликованном А.Н. Насоновым отрывке неизданного рукописного памятника тверского летописания, согласно которому примирение произошло по инициативе Василия I, лично прибывшего в Тверь из московского города Переславля⁴⁰. Очевидно, он также привез с собой Василия Кашинского, который, по словам Никоновской летописи, также выехал из Переславля и был в Твери в тот же самый Троицын день, 30 мая⁴¹. Таким образом, Василий Дмитриевич нарочно сопровождал Василия Михайловича в Тверь, чтобы поспособствовать успешному перемирию между братьями, и добился успеха.

Любопытно, однако, что по версии Типографской летописи, известие которой, по-видимому, восходит к ростовскому летописанию⁴², братья помирились еще 17 апреля⁴³. Однако Никоновская летопись уточняет, что Василий Кашинский, предварительно «сослался» (договорился через посла. — *М.Н.*) с Иваном Тверским и лишь затем, на Троицу, прибыл в Тверь⁴⁴. Таким образом, обе даты не противоречат друг другу: 17 апреля, вероятно, Василий получил от брата согласие на перемирие и стал собираться в Тверь, а 30-го прибыл туда и скрепил мир с Иваном крестоцелованием.

Между тем в те дни в Пскове находился московский посол Никита Неелов, в задачу которого, вероятно, входило поднять псковичей на войну с Литвой. По данным новгородского и псковского летописания, 31 мая на Духов день весь город, за исключением каменных Крома и Довмонтава города, пострадал от пожара⁴⁵. Псковское летописание уточняет, что это случилось в

приезд московского посла Никиты Неелова во время обедни по вине некого Аксентия Байбороды⁴⁶. Неясно, было ли это случайное совпадение или сознательная диверсия со стороны некой части псковичей, не хотевшей войны с Литвой.

Тем не менее уже через месяц, 30 июня псковичи смогли оправиться от страшного бедствия и снарядиться на войну. В этот день, по псковским источникам, они вместе с князем Даниилом Александровичем и посадником Лариона Войсковичем, мобилизовав в подкрепление «всю область», выступили в поход на Литву.

Подойдя к Полоцку и постояв под ним три дня и три ночи, с пятницы по понедельник, они ушли восвояси. Защитники Полоцка при этом подстрелили псковича Нестора Стеклянинова и иного «псковитина до смерти»⁴⁷.

По свидетельству Новгородской I летописи, псковичи чуть не взяли Полоцк, а также разорили литовские земли⁴⁸.

В августе на день св. Агафоника (22 августа, день св. Агафоника Зотика. — *М.Н.*) на Псковскую землю напало войско магистра Ливонского ордена, в состав которого, согласно Псковской I и III летописи, входили также юрьевцы и курляндцы⁴⁹. Орденское войско стояло под Котельном и Островом, но не стало их брать. Псковская I и III летопись описывают блестящую победу над ними кованной рати из 150 вельян — жителей псковского пригорода Вельи. Те внезапно напали на неприятелей, стоявших на правом берегу р. Великой близ устья р. Синей у валуна Званчи (возле деревни Богданово Островского района Псковской области), и разгромили их. По словам псковских летописей, никто из вельян не был убит или ранен (что, по-видимому, было обычным преувеличением типа «вернулись здрави вси». — *М.Н.*), лишь один русский был взят в плен, да и то вскоре бежал, находясь у Кобыльева городища⁵⁰. Рыцари же вынуждены были покинуть псковские пределы. В историографии, как правило, данная летописная версия безоговорочно принимается на веру (впрочем, исследователи обычно ограничиваются кратким пересказом известий вышеуказанных псковских летописей, не анализируя сообщения других

источников)⁵¹.

Вместе с тем другие источники не сообщают о столь блистательной победе жителей псковской земли. Тверская летопись, автора известия которой трудно заподозрить в предубеждении против Пскова, даже уверяет, что «псковичи» сами потерпели поражение, о чем тверской книжник пишет с заметным сочувствием⁵². Новгородская I летопись не сообщает ни о победе, ни о поражении русских, описывая лишь военные действия «силы немецкой», которая «повоева и отыде»⁵³. Можно было бы предположить, что новгородский хронист нарочно преуменьшал успехи жителей Псковской волости, так как был в обиде на псковичей за разорение Ржевы и Лук, тем более что среди охочих людей тогда были и жители Вельи, поэтому о победе вельян над «немецкой силой» он теперь предпочел умолчать. Однако абсолютно в таком же ключе описывает эти события и Псковская II летопись⁵⁴. Думается, что в действительности бой вельян с крестоносцами шел с переменным успехом и не принес победы ни одной из сторон, что дало повод для появления трех взаимоисключающих летописных версий. Другое дело, что рыцарей, судя по всему, было немного, если 150 вельян с ними вступило в бой и не потерпело полного разгрома. Не исключено, что набег орденских рыцарей на Псковщину был незначительным, так как в немецких источниках о нем не сказано. Хотя по русским летописям в нем участвовал будто бы сам магистр. Вероятно, они намеревались пограбить Псковскую землю, но не брать городов и не присоединять к Ливонии каких-либо областей. Другое дело, что этот поход, по видимому, в некоторой степени был связан с союзом Ордена и Витовта против Московского княжества.

Одновременно с этим другая часть орденского войска (из Рагнита) вместе с рагнитским комтуром двинулась с литовцами и жмудью через Стародуб (где был схвачен местный князь, обвиненный в промосковской позиции) и Брянск к московским границам и затем участвовала в осеннем стоянии на р. Плаве⁵⁵.

Стояние на р. Плаве хорошо описано в историографии. Против литовцев и их союзников выступили со своими войсками московский и тверские князья, а

также татары хана Шадибека. Согласно тверской летописной повести о Плаве, Василий I (очевидно, в конце августа) предупредил Ивана Тверского, что к московским рубежам идут литовцы с «ляхами» и «немцами». Иван Михайлович послал к москвичам тверские полки вместе со своими братьями Василием Кашинским и Федором, сыном Иваном (будущим великим тверским князем Иваном Ивановичем) и князем Иваном Еремеевичем⁵⁶ из рода дорогобужских князей Рюриковичей⁵⁷ (после присоединения Дорогобужа к Литве Иван Еремеевич, очевидно, перешел на службу к Ивану Тверскому или Кашинскому князю. — *М.Н.*).

Из Москвы Василий I выступил 7 сентября 1406 г.⁵⁸ и 2 недели спустя встретился с неприятельским войском. Оба войска встали друг против друга на р. Плаве и стояли с 22 сентября по 1 октября⁵⁹, но в бой не вступили, и взяли перемирие с 1 октября до 16 мая следующего 1407 г.⁶⁰ Возможно, причиной стала осенняя распутица (тем более что войско Витовта стояло на Пашковой гати, то есть, видимо, и без того в топкой местности. — *М.Н.*). Любопытно, что мир взяли до 16 мая, сроком до наступления относительно сухого времени года.

При этом, правда, московский князь, принимая такое решение, не согласовал его с тверскими князьями и не прописал их имен в договоре с Литвой, из-за чего Иван Михайлович Тверской расторг союз с Василем Дмитриевичем и больше ему в войне с литовцами не помог. В дальнейшем тверской князь подчеркивал, что именно он является старшим в роду или, по крайней мере, не менее достойным, ведь его предок, Ярослав Ярославич, управлял Москвой через своих людей, пока «вскормил» малолетнего племянника Даниила Александровича, родоначальника московской династии, а далее другие тверские князья — Михаил Ярославович, Дмитрий и Александр Михайловичи, держали Владимирское великое княжение, поэтому московский и тверской великие князья должны быть «братьями» и во всем действовать согласованно, а не как «на Плаве». После того как отец Василия I Дмитрий Донской в 1375 г. одержал решительную победу над отцом Ивана Тверского, Михаилом Александровичем, Тверь не могла претендовать на первенство на

Руси и даже на реально равное положение с Московским великим княжеством. Московский великий князь считался главой всей Руси, в Москве находилась митрополия. Но тем не менее тверские князья на словах еще требовали к себе формального уважения. Недовольным остался и ордынский хан Шадибек, который из-за отсрочки сражения не смог собрать достаточного для себя количества добычи⁶¹.

Той же осенью Василий I изменил свою политику по отношению к укрывавшемуся в Новгороде бывшему смоленскому князю Юрию Святославичу и даже принял его на службу.

Таким образом, литовско-русский конфликт 1406–1408 гг. начинался с того, что в 1405 г. Витовт не сумел добиться от новгородцев выдачи своего недруга — бывшего смоленского князя Юрия Святославича. Литовского князя в этом намерении поддержал великий тверской князь, который в том же году лично ездил в Вильно заключать с Витовтом соглашение действовать с ним заодно в рамках его восточной политики.

В начале 1406 г. литовцы совершили набег на Псковскую землю с целью оказать давление на новгородцев. Именно в Новгород были посланы разметные грамоты вместе с грамотами о капитуляции псковского пригорода, чтобы заставить новгородцев задуматься, что будет с их владениями.

Вместе с тем новгородцы предпочитали держаться от этого конфликта в стороне и на помощь псковичам, хотевшим воевать с Литвой, послали небольшой отряд с несколькими воеводами. Псковичи оскорбились и отправили ватагу охочих людей во главе с посадником разорять южные новгородские пригороды. Набег носил наполовину неофициальный характер, хотя его возглавлял сам посадник, и новгородцы отлично поняли причастность псковичей к его организации. Но ссориться с Псковом они не стали и, отказавшись на словах отныне помогать ему воевать с Литвой, прислали вместе со своими делегатами в Псков некоторых воевод и «воев», готовых принять участие в псковском походе против орденских рыцарей.

Однако и новгородцы, и псковичи сознавали угрозу литовских набегов и

направили послов в Москву к Василию I за поддержкой. Тот весной прислал в Новгород своего младшего брата Петра, чтобы он возглавил новгородцев в походе против Литвы. Но новгородцы через 10 дней под благовидным предлогом его выпроводили (очевидно, сославшись на бедствия, причиненные паводком).

А москвичи той же весной пошли в поход на литовскую землю. Одновременно с этим литовцы вторглись в московские пределы. Их поход был более успешен, чем московский. Но с этого времени Витовт изменил свои приоритеты, оставил новгородцев вместе с Юрием Святославичем и стал своим основным восточным противником считать великого московского князя. А из Литвы на службу к Василию I перешли безземельные люди, Александр Нелюб с литовцами и поляками, надеявшимися в военное время получить от московского князя хорошую службу со щедрым кормлением. Василий I дает им в кормление Переяславль-Залесский, а оттуда выводит князя Василия Кашинского, едет с ним в Тверь и мирит его с Иваном Тверским по предварительной договоренности с последним.

В Пскове в эти дни действовал московский посол Неелов, в задачу которого, видимо, входило призвать псковичей на войну с Литвой. Но в том городе, вероятно, были люди, желавшие сорвать это мероприятие. По вине одного конкретного лица — Байбороды, в городе вспыхнул страшный пожар, причинивший большие бедствия. Но месяц спустя псковичи все же пошли в поход на Полоцк, разорили его округу.

В августе в Псковскую землю вторглись орденские рыцари во главе с магистром и пограбили псковские волости. Критический анализ источников позволяет сделать вывод, что войско рыцарей было не очень большим, и не следует доверять некоторым рассказам псковского летописания о решающей победе над ним псковских пригорожан — вельян. Но тем не менее этот поход рыцарей был как-то связан с их союзом с Литвой в сфере восточной политики. Одновременно с ними другой отряд рыцарей из Рагнита вместе с комтуром шел с Витовтом по направлению к московским рубежам и участвовал в осеннем стоянии на р. Плаве, выступая противником москвичей и их союзников.

Воин Великого княжества Литовского, нач. XV в.

Рис. Красникова А., Шерстнева Е. 2016г.

¹ Текст статьи был сдан в редакцию журнала в середине 2016 г., и автор не успел ознакомиться с вышедшей в конце года работой Р.А. Беспалова (Беспалов Р.А. Литовско-московские отношения 1392-1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I // Средневековая Русь. — М., 2016. — Вып. 12. — С. 129-182). Вместе с тем материал статьи с ней почти не перекликается. Единственное, что Р.А. Беспалов сходным образом оценивает причину начала войны — отказ новгородцев выдать Витовту князя Юрия Святославовича. Но ученый не рассматривает литовско-тверские отношения, несмотря на совместную поездку в Новгород литовских и тверских послов в приведенном им ганзейском донесении 1405 г. При этом Р.А. Беспалов привел важные свидетельства о союзнических отношениях Литвы и Ливонии в 1405 - начале 1406 г.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1959. — Кн. 2. — С. 336-377.

Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. — М., 1960. — С. 713-714.

Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: конец XIV-начало XVI в. — Л., 1975. — С. 40-42.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.). — Тверь, 1994. — С. 255-265.

Конявская Е.Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи тверского сборника за первое десятилетие XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 2 (28). — С. 81-95.

Темушев В.Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. // *Studia historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. — Минск, 2009. — Вып. № 2. — С. 44-122.

Темушев В.Н. Проблема реконструкции московско-литовской границы в XV в. // Працы гістарычнага факультэта БДУ. — Мінск, 2010. — Вып. № 5. — С. 208-224.

Штыков Н.В. К истории отношений Твери и Кашина в XIII-XV вв. // Труды

Санкт-Петербургского государственного университета. — 2010. — Вып. № 1. — С.131-195.

Беспалов Р.А. К вопросу о времени запустения южной части Новосильско-Одоевского княжества // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г. — Тула, 2013. — С. 87-92.

³ Конявская Е.Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи тверского сборника за первое десятилетие XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 2 (28). — С. 90.

⁴ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 180-181.

ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 157.

⁵ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 471.

⁶ Liv—, Esth— und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. — Reval, 1859. — Bd. 4. — N 1665. — S. 490.

⁷ Несин М.А. Борьба за Смоленск в XV веке [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – 2015. – Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. — С. 13-15. <http://www.milhist.info/2015/02/20/nesin_3> (20.02.2015).

⁸ ПСРЛ. — СПб., 1897. — Т. 11. — С. 193.

⁹ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 471.

¹⁰ Там же. — Стб. 471-472.

¹¹ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып.1. — С. 28.

Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 31, 111.

¹² Псковские летописи. — М., 1955. — Вып.1. — С. 28.

Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 31, 111.

¹³ ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 151.

¹⁴ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып.1. — С. 28.

Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 31, 111.

¹⁵ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 399.

¹⁶ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. № 1. — С. 524.

¹⁷ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 397-399.

¹⁸ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 300, 326, 339, 397, 399, 411.

По справедливому замечанию Я.С. Лурье, их в Новгородскую IV летопись вставил ее составитель: Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв. — Л., 1976. — С. 82.

¹⁹ Иногда, правда, отождествляют Матвея Михайлова с Матвеем Кусовым, который уже после составления Новгородско-Софийского свода 1418 г. принимал участие в составлении Новгородской IV летописи. В этом случае было бы вполне понятно, почему сведения о нем в Софийской I летописи отсутствуют, зато появились именно в Новгородскую IV летопись. Но о тождестве этих людей нет никаких данных. Более того, Кусов никогда не назывался Михайловым, а Михайлов — Кусовым. При этом сведения о первом и его семье заканчиваются на 1411 г., а второй начинает фигурировать лишь только с этого времени. Наиболее развернутое обоснование тождества этих лиц выдвинул А.Г. Бобров. Он считает, что Наум, клирошанин Софийского собора (о смерти которого сообщается в Новгородскую IV летопись под 1416 г.), был как-то связан с Матвеем Михайловым, и он есть не кто иной, как Наум Кусов, указанный в синодике Лисицкого монастыря XV в. (Бобров А.Г. Из истории летописания первой половины XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы — СПб., 1993. — Т. 46. — С. 17). Однако тождество этих двух Наумов доказать невозможно (кроме того, что они были тезками и современниками). Равно как и связь Наума-клирошанина с Матвеем Михайловым (который сам, равно как и его семья, после 1411 г. в источниках не упоминаются). Между тем А.Г. Бобров привел весьма любопытные данные о связи Матвея Кусова и редактировании Новгородской I летописи, составленной в сер. XV в. (Там же. — С. 19-20). Но в ней нет никаких сведений о Матвее Михайлове и его семье, они есть лишь в Новгородской IV летописи. Думается,

что Матвей Кусов и Матвей Михайлов были разными людьми и ничего общего между собой не имели, кроме того, что оба были живы в 1411 г. Но только Кусов был, видимо, моложе Михайлова: он начал оказывать влияние на новгородскую книжность уже тогда, когда первый прекратил. Что касается Михайлова, то он, по-видимому, уже не играл во второй половине 1410-х гг. заметной роли, так как он не фигурирует в Новгородско-Софийском своде 1418 г. Другое дело, что трудившийся в 1420-х гг. составитель Новгородской IV летописи, общий текст обоих источников которой ведет повествование до 20-х гг. XV столетия, скорее всего, использовал хронику Матвея Михайлова в более полном объеме, не исключая сведений о нем.

²⁰ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 399.

²¹ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып.1. — С. 29.

Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 32, 112.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып.1. — С. 29.

Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 32, 112.

²⁵ ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 151.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 399.

ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. № 1. — С. 524.

²⁹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 399.

³⁰ Там же.

³¹ Hansisches Urkundenbuch. — Leipzig, 1899. — Bd V. — S. 716.

³² Казакова Н.А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке // Исторические записки. — М., 1949. — Т. 28. — С. 118.

Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. — М., 2009. — С. 96.

³³ Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. — М., 2009. — С. 96-97.

³⁴ ПСРЛ. — СПб., 1833. — Т. 6. — С. 132.

ПСРЛ. — СПб., 1897. — Т. 11. — С. 193.

³⁵ ПСРЛ. — СПб., 1897. — Т. 11. — С. 193.

Э. Клюг, впрочем, по-видимому, склонен относить это уже к более позднему времени, чем совершенный до 30 мая поход москвичей под Серпейск и Вязьму. (Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.). — Тверь, 1994. — С. 261-262). Во всяком случае, в том походе, в отличие от осеннего стояния на р. Плаве, тверичи не участвовали. Но в то же время весной Иван Михайлович Тверской был в мирных отношениях с московским князем и под его влиянием помирился с братом (о чем пишет и сам Э. Клюг: там же. — С. 262), поэтому никоновская версия нам не кажется неправдоподобной.

³⁶ Насонов А.Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 г. — М., 1958. — С. 27. — Прим. № 6. Сходство этого известия с сообщением Никоновской летописи отмечал Э. Клюг (Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.). — Тверь, 1994. — С. 275. — Прим. № 44), однако не стал задаваться вопросом об их происхождении.

³⁷ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 471.

³⁸ Там же.

³⁹ ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 151.

⁴⁰ Насонов А.Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 г. — М., 1958. — С. 27. — Прим. № 6.

⁴¹ ПСРЛ. — СПб., 1897. — Т. 11. — С. 193.

⁴² Она отсутствует в московском великокняжеском летописании 1470-х гг., послужившем одним из источников известия для записей Типографской летописи о событиях начала XV в.

⁴³ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 170.

⁴⁴ ПСРЛ. — СПб., 1897. — Т. 11. — С. 193.

⁴⁵ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 1. — С. 29.

Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 32, 112.

ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 399.

ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 399.

⁴⁶ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып.1. — С. 29.

Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 32, 112.

⁴⁷ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып.1. — С. 29.

Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 32, 112.

⁴⁸ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 399.

⁴⁹ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып.1. — С. 29-30.

Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 112-113.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Исключением тут можно назвать исследование Н.А. Казаковой, которая в сноске № 20 кратко отмечает расхождение между известиями Псковской I и Псковской II летописей, не поясняя, впрочем, в чем именно оно заключается. При этом в основном тексте монографии она дает описание орденского вторжения приближенно версии Псковской II летописи. (Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: конец XIV — начало XVI в. — Л., 1975. — С. 41).

⁵² ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 474.

⁵³ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 399.

⁵⁴ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 32.

⁵⁵ Беспалов Р.А. К вопросу о времени запустения южной части Новосильско-Одоевского княжества // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г. — Тула, 2013. — С. 90. — Прим. № 5.

⁵⁶ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 477.

⁵⁷ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505. — СПб., 1891. — Т. 2. — С. 500, 642.

⁵⁸ ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 151.

⁵⁹ Конявская Е.Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи тверского сборника за

первое десятилетие XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 2 (28). — С. 89.

Исследователь исходит из неверной трактовки известия Симеоновской и др. летописей, содержащих Свод митрополита Киприана, о том, что 7 числа князь выступил из Москвы. Автор почему-то называет его днем прибытия на Плаву. Более верную интерпретацию приводит Р.А. Беспалов (Беспалов Р.А. К вопросу о времени заустения южной части Новосильско-Одоевского княжества // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г. — Тула, 2013. — С. 89).

⁶⁰ Конявская Е.Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи тверского сборника за первое десятилетие XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 2 (28). — С. 89.

⁶¹ Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.). — Тверь, 1994. — С. 262-263.